
О НАХОДКЕ НЕКОГДА УТЕРЯННЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЛИТ XV в. ИЗ КРЕПОСТИ БЕЛГОРОДА

Андрей Красножон

В январе 2013 г. в фондах Херсонского областного краеведческого музея мною были случайно обнаружены четыре (из пяти известных) памятных строительных плит XV в., некогда находившихся на стенах средневековой крепости Белгород на Днестре (рис. 1).

Несмотря на то, что плиты были давно введены в научный оборот (Мурзакевич 1848, 481; Кочубинский 1889, 548-550; Кочубинский 1901, 198), находка является поистине уникальной, поскольку плиты с некоторых пор считались утраченными. Кроме того, непосредственное изучение оригиналов может дать новый, совершенно неожиданный пласт информации. Это особенно актуально, если учесть, что материалы по исследованиям плит и текстов на них не обновлялась на протяжении более чем 120 лет. Поколения исследователей при построении своих концепций развития оборонного комплекса в средневековом Белгороде были вынуждены опираться на переводы и трактовки текстов еще первоиздателей памятных плит, имея ограниченную возможность перепроверить их суждения лишь по опубликованным единичным фотографиям в фас (и не всегда удачным).

Толчком к определению области поиска послужила публикация фотографии одной из этих плит исследовательницей истории армян Украины И. Гаюк в «Иллюстрированной энциклопедии армянской культуры в Украине» (Гаюк 2012, 150). Речь идет о плите с греческим текстом 1440 г. и армянским хачкаром в верхней части, который и привлек внимание составителя энциклопедии при плановой работе с музейной коллекцией в Херсоне. Данная публикация привела меня к остальным трем памятным плитам XV в. из Белгорода.

История изучения лапидарных памятников средневекового Белгорода началась во втором десятилетии XIX в. Первый свод эпиграфиче-

ских памятников крепости был составлен еще русскими военными в 1819 г. Историк архитектуры В. А. Войцеховский обнаружил его в Военно-историческом архиве СССР в 1972 г. (Войцеховский 1972, 371-374). На листке под названием: «Гербы и надписи, находящиеся в разных местах Аккерманской крепости», представлено шесть изображений эпиграфических памятников, доступных в то время для копирования военному рисовальщику. Каждая прорисовка снабжена сопроводительной надписью с информацией о месте нахождения. Среди прочего, на листке представлены две памятные строительные плиты. Одна из них датируется 1440 г. и располагалась на раздельной стене (разделяет два больших крепостных двора), вторая – 1452 г. (рис. 2) с башни №26 (рис. 1).

Плиту с текстом 1440 г. отметил при своем посещении крепости в 1843 г. и польский писатель Юзеф Крашевский, который ее видел еще установленной на своем месте (Călători 1930, 245-251). В 1848 г. рисунки этих двух плит (1440 г. и 1452 г.) были сделаны графом Уваровым и изданы в приложении к «Исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря» (Уваров 1856, табл. XXXII).

Первая научная публикация текстов упомянутых плит (без прорисовок) была осуществлена членом Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевичем в 1848 г. (Мурзакевич 1848, 480-483). В музее Одесского общества истории и древностей плита 1440 г. находится с конца 1840-х гг., когда и попала в поле зрения исследователей (Кочубинский 1889, 528). Вторая плита, 1452 г., была утрачена еще в XIX в. Так, известный эпиграфист, исследователь средневекового Белгорода А.А. Кочубинский, подготовив свод лапидарных надписей крепости, не уточняет вариант перевода

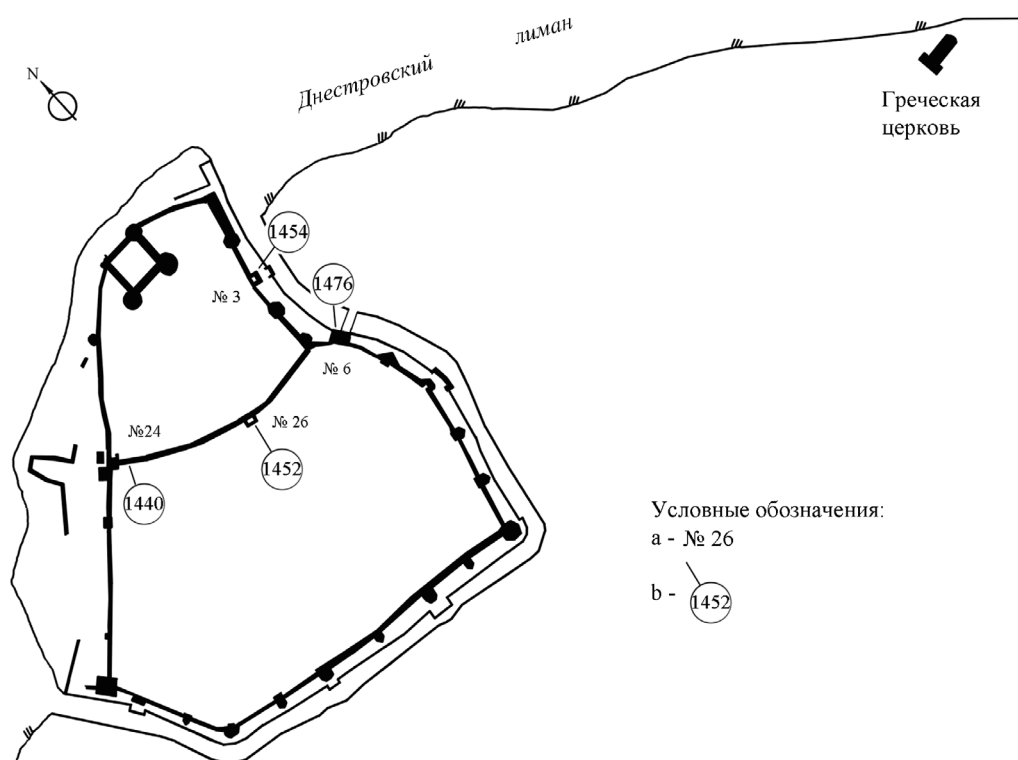

Рис. 1. Ситуационный план Белгородской крепости: а - номера башен; b - место расположения закладной плиты с указанием ее даты.

Н.Н. Мурзакевича и не публикует фотографии этой плиты или собственной прорисовки текста (не имея, видимо, доступа к оригиналу) (Кочубинский 1889; 1901).

В те же годы в Одесский музей древностей из Белгорода поступила еще одна мраморная плита с памятной строительной надписью, с неизвестной датировкой. В первой публикации памятника сообщается, что плита была «найдена в 1838 г. в Аккермане, принадлежала некой православной церкви. Подарена Н. Е. Афанасьевым. При этом известно, что Н.Е. Афанасьев в 1840-х гг. являлся учителем аккерманского уездного училища, которое в те годы располагалось на территории крепости (Кочубинский 1889, 538).

В историографии возникли разночтения текста этой плиты в наиболее важных местах. Так, издатель памятника А.А. Кочубинский датировал его 1482 г. и видел в нем упоминание о строительстве в Белгороде некоего монастыря (Кочубинский 1889, 541). Румынский исследователь И. Богдан датировал плиту 1479 г. и полагал, что в тексте идет речь о строительстве крепостных стен (Bogdan 1908, 338).

Именно вариант перевода И. Богдана вскоре получил в историографии статус «общепринятого мнения», прочно закрепившись там. На основании выдвинутой датировки и упоминания о строительстве «мура» исследователи определили появление самого крупного сектора средневековой крепости – стен Гражданского двора (Spinei 1994; ОВИМК 1987, 79; Шлапак 2001, 62, 169) (рис 1).

Следующая плита, 1476 г., была случайно обнаружена местным жителем при земельных работах во дворе соседнего с крепостью дома в 1886 г. Выкуплена для Одесского музея древностей, исследована и впервые опубликована А. А. Кочубинским (Кочубинский 1889, 506-541). В этой плите идет речь о строительстве «великих врат» – главных ворот крепости (башня №6). Памятник эпиграфики уверенно соотносится с данной постройкой благодаря сохранившейся на южном фасаде соразмерной нише (рис. 1).

Наконец, самой последней находкой из серии эпиграфических памятников белгородской крепости молдавского периода является плита 1454 г., снятая с фасада башни №3 в 1899 г. Она была случайно обнаружена смотрителем крепости г-ном В.И. Штулкерцом и передана

Одесскому музею древностей. Эта плита также опубликована А. А. Кочубинским, в 1901 г., с переводом и несколько неудачной фотографией (Кочубинский 1901, 150). Следует отметить, что фотографии плит, опубликованные А.А. Кочубинским, до настоящего времени являлись их единственным аутентичным изображением.

Наконец, в 1912 г. Н. Репников в небольшой брошюре, посвященной истории Белгородской крепости, вновь обращается к описанию этих плит, опубликовав их точные размеры, но без новых фотографий или прорисовок (Репников 1912). Это была последняя публикация какой-либо информации о данных памятниках эпитафии, автором, который имел непосредственный доступ к оригиналам.

С этого времени следы плит теряются. С уверенностью можно сказать, что до Революции они хранились в коллекции Одесского музея древностей (впоследствии Одесский археологический музей) и, вероятнее всего, где-то в довоенный период были перевезены в Херсонский областной краеведческий музей.

Итак, важность для науки текстов строительных плит в деле создания периодизации столь сложного и многослойного памятника средневековой фортификации, коим является крепость Белгорода, трудно переоценить.

В недавно вышедшей монографии, посвященной истории строительства Белгородской крепости, я констатировал, что ни одна из пяти плит молдавского периода истории крепости не сохранилась до наших дней и о содержании их текстов мы можем судить лишь по фотографиям более чем столетней давности (Красножон 2012, 38). К счастью, сегодня эти слова следует признать ошибочными.

Таким образом, в фондах Херсонского областного краеведческого музея хранятся плиты 1440 г., 1454 г., 1476 г. и плита, условно датированная 1482 или 1479 г.

Плита 1440 г. (рис. 3). Располагалась на южном фасаде разделительной стены крепости, у Средних ворот (башня №24), соединяющих между собой два двора (рис. 1). Размеры: длина – 1,1 м, ширина – 0,51 м, толщина – 0,19 м. Вырезана из плотных сортов белого известняка (сарматской породы?). В тексте идет речь об окончании строительства «каструма» во времена правления молдавского господаря Стефана II.

Рис. 2. Прорисовка плиты 1452 г. с архивного листка 1819 г. (по Войцеховский 1972, рис. 3).

Плита хорошо отесана со всех сторон, в том числе и с тыльной. Характер обработки всех боковых поверхностей плиты, наряду с тщательной пригонкой отдельных деталей, мог предполагать также ее установку в готовую нишу, т.е. по завершении строительных работ (ниша сохранилась). На тыльной стороне, в верхней части – отверстие для крепежа на стену. Левый торец украшен цепочкой квадратных зубцов по всей длине плиты. Причем в верхней части крайний из зубцов обрывается на половине своей ширины – результат подтепки 1440 г. Это говорит о вторичном использовании плиты.

Рис. 3. Плита 1440 г. Фонды Херсонского областного краеведческого музея /без номера (фото автора).

Рис. 4. Плита 1454 г. Фонды Херсонского областного краеведческого музея /без номера (фото автора).

Судя по зубцам, первоначально плита использовалась как часть архитектурного сооружения ранневизантийского или же позднеантичного периода. К мастеру XV в. она могла попасть в качестве заготовки из руин античной Тире, расположенной в районе крепости.

Резьба сохранилась превосходным образом, сколы и потертости прослеживаются лишь в центральной левой части изображения креста. Нижняя половина плиты, с надписью, сохранилась без повреждений.

Плита 1454 г. (рис. 4). Располагалась на фасаде башни №3. Ее размеры: ширина – 0,4 м, длина – 0,38 м, толщина – 0,2 см. Вырезана на поверхности шлифованного мраморного блока античного жертвенника. Так, на тыльной стороне находится круглое углубление диаметром 6-7 см. Такие жертвенники со сферическими углублениями характерны для многих памятников античного времени Северного Причерноморья.

На плите вырезана 4-х строчная надпись, пространство под которой занимает остроконечный геральдический щит. Надпись частично повреждена в конце первой строки, в середине второй, третьей и четвертой. Скол также присутствует в верхней правой части щита, повредив примерно половину изображения внутри него. По опубликованной А.А. Кочубинским фотографии плиты детали резьбы внутри щита определить сложно. Причем герб в публикации 1901 г. не был прорисован или описан автором (Кочубинский 1901, 198, табл. II).

При сличении с оригиналом видно, что А.А. Кочубинский дает вариант перевода текста,

который отличается от первоисточника (Кочубинский 1901, 198):

- [1] Свершился сий мур
- [2] Вооружаема быть аца
- [3] ста цегула в лето
- [4] 6962 мц марта

В той части, где у А.А. Кочубинского указано: «ста цегула» («эта доска»), на плите высечено «СТА[...]ЧУЛА». Именно поэтому следует признать более близким к правильному прочтению этого текста вариант румынского эпиграфиста И. Богдана: «Свершился сий мур и вооружен был от пана Станчула в лето 6962 месяца марта» (Bogdan 1908, 327). Именно этот вариант был мною использован в монографии, с ошибочной ссылкой на авторство А.А. Кочубинского (Красножон 2012, 47).

Дата «1454 г.» читается в тексте весьма уверенно. Равно как и информация о строительстве и вооружении данной башни пыркалабом Станчулом (башня выстроена накануне турецкой осады крепости). К периоду правления этого же пыркалаба относится и другая памятная строительная плита из Белгорода, с надписью 1452 г. о строительстве башни № 26, расположенной в нескольких десятках метрах от башни №3 (с архитектурной точки зрения башни однотипны; равны в размерах и памятные плиты с их стен). Данная плита не сохранилась, но как видно из прорисовки русских военных 1819 г. (рис. 2), в ее верхнем правом углу расположен такой же геральдический щит, с литерой (?) в центре. На данной прорисовке рядом со щитом также присутствует и фрагмент головы тура – центральный элемент герба молдавского средневекового государства. По мнению В.П. Кирилко, на двух плитах с башен №3 и №26 использован один и тот же герб, помещенный внутри щита, который, вероятнее всего, является фамильным¹.

Литеры – не редкость в геральдических изображениях Молдавского государства. Так, в текстах легенд монет они появляются уже начиная с чеканки Петра Мушата (литеры «W» и «V», или же разного рода сокращения: «SI», «SIM»). На монетах одного из типов чекана Александра Доброго присутствуют литеры: «WD», что можно интерпретировать как

¹ Хочу выразить искреннюю признательность В.П. Кирилко, который любезно обратил мое внимание на эту общую деталь изображений двух плит.

Рис. 5. Плита 1476 г. Фонды Херсонского областного краеведческого музея /без номера (фото автора).

«Woevoda». Также отмечены полугроши, на которых рядом со щитом обозначена литера «А», возможно обозначающая имя господаря – Александр (Бырня, Русев 1999, 183, 187-188).

Плита 1476 г. (рис. 5) Располагалась на южном фасаде главной воротной башни крепости – т.н. Килийских ворот (№6). Вырезана из мрамора, покрыта патиной. Размеры: длина – 0,89 м, ширина – 0,45 м, толщина – 0,11 м. Толщина равномерная по всей площади плиты. Первичного использования. Плита была отесана и специально заблаговременно подготовлена для нанесения этой памятной надписи. Резьба высокого качества, сохранность превосходная. Тыльная часть плиты равномерно обтесана, но не отшлифована. Шлифовке подверглась лишь лицевая поверхность. Верхний и нижний торцы – рваные. Левый и правый торцы – отшлифованы, причем первый не полностью.

Плита 1479/1482 гг. (?) (рис. 6). Место первоначального расположения точно не известно. Плита вырезана из белого мрамора. Размеры: длина – 0,58 м, ширина – 0,34 м, толщина – 0,13 м. Края рваные, сколы выходят на текст,

торцы не обработаны (отшлифован лишь нижний). Тыльная сторона также отшлифована, со следами первичной обработки. Так, половину поверхности занимают два овальных углубления, напоминающих по форме основания для крепежа стоп небольшой статуи (?). Судя по всему, первоначально этот фрагмент мраморной плиты использовался в античное время.

Надпись, занимающая большую, нижнюю часть плиты, сохранилась полностью. Местами буквы значительно истерты. Сам текст вызвал некоторые разночтения у специалистов. Так, в восьми строках идет речь о некоей строительной инициативе, которую проявил воевода Стефан Великий во времена совместного правления в Белгороде пыркалабов Думы и Хермана. Собственно, разночтения вызвал небольшой фрагмент текста, в котором идет речь о самом объекте строительства. Согласно А.А. Кочубинскому, плита высечена в честь строительства монастыря (Кочубинский 1889, 541):

[1] В дни благочестивого и христоролюбивого и бога

[2] дарованого и всякой похвал

[3] ы достойного Иоанн Стефан Воев [...]

[4] господарь всей земли молдав

[5] ской сын Богдана Воево [да]

[6] поча и сверши сия монас [ты]

[7] ри пыркалабы Дума и Хе

[8] рман 1482

По И. Богдану, в тексте плиты упоминается строительство мур (т.е., стены или башни) самой крепости, что послужило впоследствии основой для хронологических выводов некоторых исследователей строительной истории оборонного комплекса (Spinei 1994; ОВИМК 1987, 79; Шлапак 2001, 62, 169):

«В дни благочестивого и христоролюбивого, богодарованного и всякой хвалы достойного Иоанн Стефан Воевода господарь всей Земли Молдавской сын Богдана воеводы поча и сверши сей мур при пыркалабы Дума и Хр'ман» (Bogdan 1908, 338).

А.А. Кочубинский датировал плиту 1482 г., видя дату в конце последней строки. И. Богдан – 1479 г., правда, косвенно, по совместному правлению двух пыркалабов, поскольку дату в указанном месте не распознал.

Непосредственное исследование оригинала позволяет проверить обе версии. Спорный участок текста находится в конце 6-й и начале

7-й строк. В конце 6-й строки весьма определенно читается часть слова (в сокращении): «МОН» (и, возможно, С), но никак не «МУР». В начале следующей строки – в окончание слова представлено двумя буквами «РИ». Причем «Р» ограничена слева рамкой поля, а «И» объединена (для экономии места) с последующей «П» (в слове «пыркалабы»). Предлог «ПРИ» перед словом «пыркалабы» не просматривается, для буквы «П» просто не хватает места.

Прав был А.А. Кочубинский, видевший в тексте упоминание о строительстве монастыря в Белгороде по инициативе Стефана Великого. Похоже, резчик употребил сокращение «МОНС[...]РИ» в женском роде, как предполагал исследователь (Кочубинский 1889, 543). Строкой выше резчик уже прибегает к подобной практике, сократив расположенное в конце строки не поместившееся целиком слово «воевода» на «ВОЕВО».

Итак, плита не имеет никакого отношения к строительству крепости, о чем я высказывал предположения раньше (Красножон 2012, 49). Что касается даты, то ее нет в правом нижнем углу, вопреки мнению А.А. Кочубинского. Здесь присутствует элемент растительного орнамента, который однотипен с орнаментом плиты 1476 г. Часть поля нижней строки после

Рис. 6. Плита 1478-1480 гг. Фонды Херсонского областного краеведческого музея /без номера (фото автора).

фрагмента слова «РМАНЪ» оставалась пустой, и резчик решил ее заполнить данным орнаментом. Кстати, в варианте перевода И. Богдана дата в конце не приводится. Румынский исследователь заканчивает текст словом «Херман».

Отсутствие даты в тексте косвенным образом подтверждает правоту перевода А.А. Кочубинского. Видимо, резчик посчитал достаточным такую хронологическую привязку, как совместное правление двух пыркалабов Белгорода, Думы и Хермана. И в этом есть своя логика, поскольку стена/башня (мур) действительно может (и должна) быть выстроена в течение одного сезона/года. В то время как строительство церкви, и, тем более, целого монастыря, требует куда большего времени и не может быть начато и закончено в течение сезона. Поэтому резчик указал не конкретную дату строительства, а сам факт начала и завершения стройки в период трехлетнего совместного правления двух пыркалабов (1478-1480 гг.). Это означает, что и дата, предложенная И. Богданом, (1479 г.) условна. Плита может быть датирована в рамках периода правления двух пыркалабов, ближе к концу этого срока.

Исследователям еще предстоит выяснить, какую именно церковь (монастырь) выстроил Стефан Великий в Белгороде в конце 1470-х гг. Пока же, в контексте этих рассуждений, обращает на себя внимание пассаж польского путешественника Валериана Джедужского, побывавшего в Белгороде в 1785 г. Он оставил короткое упоминание следующего содержания: «В Белгороде наш корабль бросил якорь напротив молдавской церкви, которая выше порта. Когда буря, корабли спасаются под церковью и греческим кладбищем» (Călători 1930, 242).

Речь идет о так называемой нынешней Греческой церкви Белгорода-Днестровского (рис. 1), расположенной на краю коренного берегового плато над местом размещения средневекового порта (Красножон 2012, 206-225). На нижней береговой террасе, под церковью, к востоку от нее, действительно располагалось старинное кладбище – характерный признак, который сразу был отмечен путешественником. Появление Греческой церкви традиционно относится к XV в., хотя специальных исследований на эту тему пока нет. Это одна из главных культовых построек средневекового города и возможно, что именно этому сооружению принадлежала до середины XIX в. мраморная плита с памятной надписью Думы и Хермана.

Загадкой остается время и причины появления четырех памятных плит XV в. из Белгорода в Херсонском краеведческом музее. Никакой информации об этом ни в ХОКМ, ни в ОАМ не имеется. Эти плиты хранятся без инвентарных номеров, без паспортов, они никогда прежде не публиковались ни в каталогах, ни в музейных сборниках. Сами хранители фондов знали о белгородском происхождении лишь трех плит. Четвертая, 1454-го года, оставалась не идентифицированной. При этом в самом лапидарии плиты изначально расположены вместе (значит, все предметы попали в музей единовременно).

И. Гаюк предполагает, что плита 1440 г. поступила в музей до 1941 г.² вместе с коллекцией И. К. Суручану (Гаюк 2012, 150). Основатель музея В.И. Гошкевич действительно приобрел в дореволюционные годы из коллекции И.К. Суручану порядка трехсот предметов. Из них – около двухсот мраморных плитнадгробий (Кетрару 2011, 25). Скульптура и надписи из коллекции были приобретены для Музея древностей Херсонского края, но начавшаяся первая мировая война помешала перевозке вещей в Херсон, и это удалось сделать лишь в 1917 г. (Власова 1999, 367).

Версия И. Гаюк представляется сомнительной. Как известно, плиты принадлежали Одесскому музею древностей и находились в нем вплоть до Революции. Кроме того, плита 1454 г. была снята со стен крепости и перевезена в Одессу в 1899 г., спустя 2 года после смерти И.К. Суручану. Пока велись переговоры В.И. Гошкевича с вдовой коллекционера (Кетрару 2011, 24-25), Одесское общество истории и древностей функционировало, вплоть до 1922 г. (Хмарський 1997). По всей видимости, плиты были перевезены в Херсон в довоенное время, в рамках некой программы обмена коллекциями региональных исторических музеев.

Памятные строительные плиты средневекового Белгорода до настоящего времени являются одним из важнейших источников в деле построения хронологии развития оборонного комплекса в XV в. Наряду с немногочисленными сообщениями исторических документов они дают редкую информацию о первых этапах строительства крепости. Поэтому обнаружение плит, считавшихся утерянными, является собой новую веху в исследованиях истории уникального памятника фортификации на берегах Днестра. Расшифровка их текстов и последующее изучение, мы уверены, даст еще немало значительных открытий.

Библиография

- Бырня, Руссев 1999:** П.П. Бырня, Н.Д. Руссев, Монеты средневековой Молдавии. Историко-нумизматические очерки. *Stratum plus* 6, 1999, 176-262.
- Власова 1999:** Е.В. Власова, И.К. Суручан и его музей. *Stratum plus* 6, 1999, 362-368.
- Войцеховский 1972:** В.А. Войцеховский, Строительные надписи на стенах крепости в Белгород-Днестровском. В сб.: (Отв. ред. Я. С. Гросул) Юго-Восточная Европа в средние века (Кишинев 1972), 371-374.
- Гаюк 2012:** И. Гаюк, Иллюстрированная энциклопедия армянской культуры в Украине, т. 1 (Львов 2012).
- Кетрару 2011:** Н.А. Кетрару, Иван Касианович Суручан: первый молдавский археолог и его музей. *Stratum plus* 6, 2011, 17-26.
- Кочубинский 1889:** А.А. Кочубинский, Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман. *ЗООИД* 15, 1889, 506-547.
- Кочубинский 1901:** А.А. Кочубинский, Тира-Белгород-Аккерман (и его новая лапидарная надпись от 1454 г.). *ЗООИД* 23, 1901, 79-178.
- Красножон 2012:** А.В. Красножон, Крепость Белгород (Аккерман) на Днестре: история строительства (Кишинев 2012).
- Мурзакевич 1848:** Н.Н. Мурзакевич, Аккерманские греческие надписи. *ЗООИД* 2, 1848, 480-483.
- ОВИМК 1987:** Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV - начало XIX вв.) (отв. ред.: Д.М. Драгнев) (Кишинев 1987).
- Репников 1912:** Н. Репников, Несколько слов о развалинах Аккерманской крепости. В сб.: (Отв. ред.: Н.И. Веселовский) Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества 2 (Санкт Петербург 1912), 59-87.
- Уваров 1856:** А.С. Уваров, Исследование о древностях южной России и берегов Черного моря, II (Санкт Петербург 1856).

² Если только в тексте не опечатка: вероятно, должно быть: «до 1914 г.», как указано в подписях к другим опубликованным ею материалам из лапидария (Гаюк 2012, 142).

- Хмарський 1997:** В.М. Хмарський, Початок археографічної діяльності в Одесі. В сб.: (Отв. ред.: В.Н. Станко) Записки історичного факультету (Одеса 1997), 207-218.
- Шлапак 2001:** М.Е. Шлапак, Белгород-Днестровская крепость (исследование средневекового оборонного зодчества (Кишинев 2001).
- Bogdan 1908:** I. Bogdan, Inscricțiile de la Cetatea Albă și stăpînirea Moldovei asupra ei. In: Analele Academiei Române. Memorie Sectiunii Istorice, 30 (București 1908), 3-50.
- Călători 1930:** Călători poloni în Țările Române (București 1930).
- Spinei 1994:** V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chișinău 1994).

Descoperirea recentă a unor lespezi de piatră din secolul al XV-lea de la Cetatea Albă, considerate a fi pierdute

Rezumat

Pe parcursul mai multor decenii, cele patru lespezi de piatră cu inscripții din secolul al XV-lea de pe pereții Cetății Albe, au fost considerate pierdute. Materialele referitoare la aceste renumite monumente epigrafice, publicate în anii 1848, 1889 și 1901, au servit drept sursă de documentare privind periodizarea fortificației mai multor generații de cercetători ai Cetății Albe. În lipsa originalelor, cercetătorii au preluat datele oferite de primii editori ai lespezilor, utilizând traducerea inscripțiilor, desenele și pozele acestora, care însă n-au fost de cea mai bună calitate. La începutul anului 2013, lespezile menționate au fost depistate în patrimoniul Muzeului de studiere a ținutului din orașul Herson, Ucraina. Cercetările preliminare au permis evidențierea stemei de familie a domnului Moldovei Alexandru al II-lea, precum și neapartenența unei lespezi perioadei de construire a cetății, contrar părerilor anterioare, fapt care presupune o nouă cronologie a monumentului.

Lista ilustrațiilor:

- Fig. 1. Cetatea Albă. Plan: a - numărul turnului; b - locul descoperirii lespezii de piatră.
- Fig. 2. Desenul lespezii din anul 1452 (după Войцеховский 1972, рис. 3).
- Fig. 3. Lespedea de piatră din anul 1440. Fondurile Muzeului de studiere a ținutului din orașul Herson / fără număr de inventar (foto autor).
- Fig. 4. Lespedea de piatră din anul 1454. Fondurile Muzeului de studiere a ținutului din orașul Herson / fără număr de inventar (foto autor).
- Fig. 5. Lespedea de piatră din anul 1476. Fondurile Muzeului de studiere a ținutului din orașul Herson / fără număr de inventar (foto autor).
- Fig. 6. Lespedea de piatră din anii 1478-1480. Fondurile Muzeului de studiere a ținutului din orașul Herson / fără număr de inventar (foto autor).

On finding of once lost building plates of the 15th century from the fortress of Belgorod

Abstract

For many years four Moldavian plates of the 15th century from the walls of the fortress of Belgorod were considered lost. The earliest publications of these most important epigraphic monuments (in 1848, 1889, and 1901) have long been a source for periodization of the defense complex of medieval Belgorod for several generations of its researchers. Without access to the originals, researchers had to trust to published translations, drawings, and photographs (not the best quality). In the beginning of 2013 these plates have been found in the collections of the Kherson Regional Museum. Even the preliminary work with them already revealed a family coat of arms of Moldavian Ruler Alexander II, as well as the fact that one of the plates, contrary to popular opinion in historiography, is not related to the construction of the fortress, which violates the generally accepted ideas about the chronology of the monument.

List of illustrations:

- Fig. 1. Plan of the Belgorod Fortress: a - number of towers; b - location of plates with dates.
- Fig. 2. Drawing of the plate of 1452 (Войцеховский 1972, рис. 3).
- Fig. 3. The plate of 1440. Collections of the Kherson Regional Museum/without number (photo by the author).
- Fig. 4. The plate of 1454. Collections of the Kherson Regional Museum /without number (photo by the author).
- Fig. 5. The plate of 1476. Collections of the Kherson Regional Museum /without number (photo by the author).
- Fig. 6. The plate of 1478-1480. Collections of the Kherson Regional Museum /without number (photo by the author).

15.01.2013

Др. Андрей Красножон, Южноукраинский национальный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, ул. Старопортофранковская, 26, 65020 Одесса, Украина, e-mail: ahmar@mail.ru